

Извинюсь.

Не расстреляют

ИЗВИНЮСЬ. НЕ РАССТРЕЛЯЮТ

Однажды я написала статью «Он и Она». Статью опубликовали, я успела об этом забыть, когда в моей квартире раздался телефонный звонок и женский голос потребовал меня к телефону.

— Это я, — призналась я.

— Можно, я к вам приду?

— А зачем? — спросила я, хотя это было не очень вежливо.

— Посоветоваться о жизни.

— А почему вы хотите советоваться именно со мной? — удивилась я.

— Я прочитала вашу статью, вы мне больше всего подходите.

Я растерялась от такого наивного доверия.

— Простите, а кто вы?

— Лида, — представилась незнакомка.

Имя мало определяет человека. Его определяют возраст и профессия.

— Простите, сколько вам лет?

— Сорок.

— А где вы работаете?

— На овощной базе.

Теперь образ Лиды предстал более объемно.

— Вряд ли я смогу быть вам полезна, — честно предупредила я.

— А мне не надо пользы. Мне просто посоветоваться. И все.

— Хорошо. Я вас жду.

Я продиктовала адрес и положила трубку. Положив трубку, я пожала плечами и бровями, хотя видеть меня Лида не могла.

Отворилась дверь, и вошла моя шестилетняя дочь.

— Ты умеешь делать так? — спросила она и заскакала, заводя одну ногу за другую. Такие па в балете называются «веревочка».

— Умею, — задумчиво сказала я, продолжая думать о Лиде. Мне не жаль было своего времени, а жаль напрасных Лидиных надежд.

— Покажи.

Я хотела отказаться, но тогда дочь очень бы удивилась и спросила «почему?» и мне пришлось бы объяснить, что взрослые люди отличаются от маленьких тем, что не хотят скакать по утрам. Дочь снова бы спросила «почему?», и беседа могла затянуться.

Я покорно и хмуρο проскакала «веревочкой», пятясь при этом к окну.

Дочь внимательно смотрела на мои ноги, потом удовлетворенно кивнула головой и ушла.

Я сняла трубку и позвонила любимой подруге Милке. Мы созваниваемся с ней каждое утро и проговариваем свою жизнь. Я свою, а она свою. Наша дружба — это не что иное, как потребность оформить в словах свои впечатления.

— Ко мне сейчас Лида придет, — сказала я Милке.

Милка работает врачом в районной поликлинике и, должно быть, одним ухом прослушивает больного, а у другого уха держит телефонную трубку.

— Какая Лида?

— Позвонила какая-то Лида. Хочет посоветоваться...

— Не пускай ни в коем случае! — предупредила Милка. — Ты знаешь, что сейчас в Москве творится?

— Что? — растерялась я.

— Она тебя убьет и фотокарточек наделает.

— А фотокарточки зачем?

— На память.

— А ты не можешь ко мне сейчас прийти? — испуганно спросила я.

— Как же я приду, если я на работе?

Я молчала.

— Ну ладно... — Милка вошла в мое положение. — Если она начнет тебя убивать, ты мне позвони.

Раздался звонок в дверь.

Я положила трубку и пошла навстречу своей судьбе.

Передо мной стояла женщина в синем бостоновом пальто с серым каракулевым воротником. Эту моду я застала, когда ходила в третий класс начальной школы.

Я поняла, что это Лида. Я поняла, что убивать меня она не собиралась, ей это даже в голову не приходило.

Я поняла: у Лиды тяжело на душе. Ей не к кому пойти, чтобы проговорить свою жизнь, и она пришла к совершенно постороннему человеку. Видимо, понятие «писатель» для нее синоним понятия «справедливость». Она пришла за справедливостью.

— Проходите, — пригласила я. — Раздевайтесь, пожалуйста...

Лида сняла пальто, туфли и осталась в шапке. Я достала ей тапки, она их не надела.

Мы прошли в комнату, я предложила Лиде сесть на диван. Она села на самый краешек, и я видела, что сидеть ей неудобно.

Она была смущена тем, что физически существует в моих стенах, поэтому старалась, чтобы ее было как можно меньше.

— Хотите чаю? — предложила я.

— Нет-нет... — перепугалась Лида.

Она смущалась так, что не могла поднять глаз. Ее скованность передалась мне, мы сидели в каком-то гипнотическом оцепенении, и у меня через минуту заболела голова.

— Я вас слушаю, — сказала я, с состраданием глядя на свою гостью. Я готова была помочь ей в чем угодно, чего бы она от меня ни потребовала.

— Я на базе работаю... — начала Лида. — К нам болгарские помидоры привезли.

Я задумчиво покивала головой, как слон. Пока что все мне было ясно: Лида работает на базе и к ним привезли болгарские помидоры. Я представила себе эти помидоры — некрупные, одинаковые, безвкусные, как трава, лишённые всякой помидоровой индивидуальности.

— Я недавно иду, смотрю, из-под шатра течет. Прихожу к Потякину, говорю: «Портится товар». А он говорит: «Спишем»...

Я представила себе шатер, похожий на очень большую брезентовую плащ-палатку, и снова покивала головой, как бы осуждая беспечность Потякина.

— Я говорю: «Что значит „спишем“? Надо перебрать». А он мне: «Спишем, тогда переберем»...

Лида посмотрела на меня открытым взором, и я увидела, что она освободилась от смущения и что глаза у нее серые, а брови подтемнены карандашом.

Я попыталась разобраться в ситуации: перебрать — означало отложить все хорошие помидоры в одну сторону, а все плохие — в другую. Потом плохие выбросить, а хорошие продать как хорошие.

Потякин предлагал списать весь шатер, чтобы он нигде не числился, потом плохие выкинуть. Хорошие продать как хорошие, а деньги взять себе.

— Ворует, что ли? — догадалась я.

— Мошенничает, — поправила Лида.

Мошенник — это промежуточное состояние между честным и вором. Это еще не вор, но уже не честный человек.

— Вы хотите, чтобы я про него написала в газете? — догадалась я.

— Боже упаси! — испугалась Лида. — У него дети. Разве можно позорить отца взрослых детей?

— Но если он мошенник?

— А как вы это докажете? — спросила Лида, будто это я, а не она работала под началом Потякина. — Он так все обдeldывает, у него комар носа не подточит.

— А что вы хотите? — прямо спросила я.

— Мне с ним работать противно, — уклончиво ответила Лида.

— Уходите.

— Куда?

— На другую базу. Не везде же воруют.

— Значит, я права и я уйду. А он останется...

До этого решения Лида могла бы додуматься самостоятельно. Не обязательно было ехать в такую даль.

— Может быть, его можно перевоспитать? — неуверенно предложила я.

— Он что, дошкольник? — спросила меня Лида. — Не понимает?

Я смутилась и сдвинулась на краешек дивана, а Лида, наоборот, села поудобнее.

— Значит, переделать его вы не можете. Позорить не хотите. Работать вам с ним противно, а уходить обидно, — подытожила я. — Что вы хотите?

Лида молчала. Она хотела, чтобы Потякин был честным человеком и ей приятно было бы с ним работать. Но это зависело не от нее и не от меня, а от Потякина.

Я чувствовала себя виноватой.

— И еще... — сказала Лида. — Меня муж обманул...

Я обрадовалась, что Лида дала мне вторую попытку, на которой я могла бы как-то реабилитироваться.

— Мы с ним не были расписаны, но жили вместе пятнадцать лет. Детей воспитывали. Мы так хорошо жили... А потом он влюбился в одну и расписался с ней. А мне ничего не сказал. Жил то тут, то там... Я только через полгода узнала. Спрашиваю: это правда? Он говорит: правда. Я говорю: ну и иди к ней.

— А он?

— Ушел. А сейчас обратно просится.

Лида посмотрела на меня. Ее глаза были будто вымыты страданием.

— Я хочу спросить: пускать мне его обратно или нет?

— Это вы сами должны решить, — убежденно сказала я.

Лида опустила глаза в колени.

— Вы его любите? — расстроилась я.

— Я ему больше не верю.

— Тогда не пускайте.

Лида сморгнула слезу.

— А вы можете без него обойтись?

Лида потрясла головой и вытерла щеку ладонью.

— Тогда пустите.

— Я боюсь, он у меня половину площади отберет.
Я ему не верю.

— Тогда не пускайте.

Лида стянула шапку и сунула в нее лицо.

Я отошла к окну и стала смотреть на улицу. За окном виднелся детский сад, похожий на оштукатуренный мавзолей. Во дворе бегали дети в цветных веселых демисезонных пальтишках. А мы с Лидой решали и не могли решить ее проблемы: мошенничество Потякина, предательство мужа.

Может быть, надо бороться с мошенничеством и предательством, и это будет правда.

А может быть, устраниться и не играть в эти игры, и это тоже правда.

А может быть, смириться и оставить все как есть: работать с Потякиным, жить с мужем. И это будет правда с учетом судьбы и диалектики.

Если бы можно было разложить правды как помидоры: здоровые — в одну сторону, а гнилые — в другую. Но, откровенно говоря, выбирать Лиде не из чего, и, если пользоваться терминологией овощной базы, весь шатер течет и его надо списать.

— А вы не могли бы написать в газету, чтобы разрешили дуэли? — спросила Лида.

— А кого бы вы убили? — обернулась я.

— Я убила бы мужа.

— Но ведь и он бы вас мог убить.

— Да. Но тогда бы он видел это. И ему потом было бы стыдно. А так он меня убил, и ему хоть бы что... И вообще, никому ничего не стыдно. Потякин всегда пообещает и не делает. Я ему говорю: «Как же вам не совестно!» А он: «Извинюсь. Не расстреляют».

— Вы хотите, чтобы расстреляли?

— Ну, не совсем так уж... — смягчила Лида. — Чтобы все по правилам.

— По каким правилам? — заинтересовалась я.

Мне стало ясно, что дуэль — это не сиюминутный экспромт, а плод долгих Лидиных размышлений. Именно за этим она ко мне и приехала.

— Сначала заявление на дуэль, как в загс, — начала Лида. — Потом заявление должны разобрать и дать разрешение. Потом две недели на обдумывание. А уж потом дуэль.

— А стрелять где? На Лобном месте?

— Нет. На Лобном месте — это казнь. Насилие. А тут — кто кого, все по справедливости.

— Какая же справедливость в смерти? Смерть — это наивысшая несправедливость.

— Конечно, — согласилась Лида. — Умирать кому охота? Вот и будут жить внимательнее.

— Внимательнее к чему?

— К каждому дню. К каждому поступку.

Зазвонил телефон. Я сняла трубку.

— Ну что? — спросила Милка. Она проверяла, жива я или нет.

— Я не могу говорить, — строго сказала я и положила трубку с бесцеремонностью, дозволенной между близкими людьми.

— Я вас задерживаю... — Лида встала.

Я пошла ее проводить.

Лида надела пальто, туфли.

Мы стояли, оттененные какой-то покорной грустью. Я была погружена в Лидин план возмездия. Земного суда.

— Три года на обдумывание, — предложила я. — Две недели мало в таком деле...

— А как вы думаете, могу я поступить в «Аэрофлот»? — спросила вдруг Лида.

— Кем?

— Все равно. Хоть в диспетчерскую... Вы знаете, я небо люблю. Я все болезни высотой лечу.

— Как это?

— Куплю билет до Ленинграда. Самолет поднимется на восемь тысяч метров, у меня все проходит. Я, наверное, раньше птицей была.

Я внимательно-доверчиво посмотрела на Лиду, ища в ее облике приметы птицы.

— Звоните, — сказала я.

Лида улыбнулась и ушла.

Я вернулась в комнату. Моя дочь сидела за пианино и тыркала в клавиши. Она училась в подготовительном классе музыкальной школы.

— Си-бемоль, — сказала я, поморщившись.

— Где?

Я подошла к инструменту и показала. Дочь нажала черную клавишу.

Может быть, подумала я, когда человеку трудно, не стоит искать смысла сразу всей жизни. Достаточно найти смысл сегодняшнего дня. А осмысленные дни протянутся во времени и пространстве и свяжутся в осмысленную жизнь.

Смысл сегодняшнего дня в том, что я научила дочь новому знаку, поправила маленькую ошибку. А завтра поправлю еще одну и научу не повторять предыдущих.

Я подошла к окну.

Лида уже пересекла дорогу и удалялась все дальше. Сейчас она свернет за угол, и ее шерстяная розовая шапка последний раз мелькнет в моей жизни.

Очень возможно, что Лида сейчас поедет в «Аэрофлот», купит билет до Ленинграда и поднимется на восемь тысяч метров.

Если облака не закроют землю, то внизу будут видны города, четкие ремни дорог и круглые озера величиной с пятикопеечную монету.

А мужа и Потякина будет не видно совсем. Их не разглядеть, даже если очень напрячь зрение.

Потом я подумала, что, если бы мне дали разрешение на дуэль, я выбрала бы место у Красного собора, возле метро «Юго-Западная». За собором — поле, за полем — лес, над куполом — небо. Там очень красиво и возвышенно разрешать вопросы чести и не обидно приобщиться к вечности.

МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЙ

Наташа сидела в аэропорту, ждала сообщения о своем рейсе. Рейс все время откладывали: сначала на три часа, потом на четыре. Этим же самолетом улетал в Баку на гастроли болгарский цирк. Циркачи расположились вольно, как цыгане: на полу, на креслах. Вокруг них бегали промытые, расчесанные болонки, одного возраста и роста. Наверное, у них в программе был свой собачий кордебалет.

Мимо Наташи прошел высокий мужчина, чем-то отдаленно похожий на ее первого мужа. Времени было много, голова пустая, и от нечего делать Наташа вспомнила свое первое замужество. В другом случае она бы про него не вспомнила.

Они поженились, когда ей было восемнадцать, а ему двадцать два. И тут же разошлись. Ну, не совсем тут же. Месяцев восемь они все же прожили. Брак оказался непрочным. Как только схлынула страсть, обмелела их река, обнажилось дно, а на дне всякие банки-склянки, мура собачья. Они стали ругаться, ругались постоянно и из-за ничего. Это болела их любовь, откашливаясь несоответствиями, и наконец умерла. Но, разойдясь, еще долгое время продолжали встречаться и продолжали ругаться. Они не могли быть вместе и не умели быть врозь. Тема их ссор была примерно такова: Наташа считала мужа дураком, не способным соответствовать ее красоте. Ей казалось, что

фактор красоты должен давать в жизни дополнительные преимущества, как, скажем, билет на елку или продуктовый талон к празднику. А муж говорил, что красота — явление временное и преходящее. Она обязательно уйдет лет через двадцать и помашет ручкой. А его способность к устойчивому чувству, именуемому «верность», — навсегда. Это не девальвируется временем. Так что он — муж на вырост. Сейчас немножко не годится, зато потом — в самый раз. Но в восемнадцать лет невозможно думать о потом. Жизнь представляется непомерно долгой, кажется, что всего еще будет навалом и все впереди...

Они разошлись и встретились через двадцать лет. Он был женат во второй раз, имел дочь, которую называл ее именем. Жил в другом городе. Наташа попала в этот город по делам службы. Она знала, что экс-муж живет где-то здесь. Позвонила ноль девять, назвала его фамилию. (Она ее помнила.) Ей дали телефон. Наташа набрала номер и услышала его через двадцать лет. Голос не изменился. Голос — инструмент души, а душа — не стареет. Вечная девушка. Они разговаривали друг с другом прежними молодыми голосами.

— Здравствуй, — сказала Наташа. — Только не удивляйся.

— А кто это? — насторожился он.

— Это твоя жена за номером один.

Настала пауза — такая длинная, что Наташа подумала: телефон разъединили.

— Алло? — позвала она.

— Я сейчас приду, — сказал экс-муж. — Куда?

Она назвала гостиницу и номер.

Положив трубку, занервничала. Было непонятно: зачем позвонила? Зачем позвала?

Надела белую французскую кофточку. Потом передумала и поменяла на черную: к фигуре лучше, зато хуже к лицу. Надо было выбрать между лицом и фигурой.

В дверь постучали скорее, чем она предполагала. Она открыла и увидела своего первого мужа. Эти двадцать лет его слегка расширили, плоскости щек стали больше. Но выражение лица и вся его сущность остались прежними, и эта сущность откровенно выглядывала из окошек больших зеленовато-бежевых глаз.

— Какая ты стала... — проговорил он и покивал головой, как бы подтверждая свою правоту: красота миновала, как станция, и именно через те самые двадцать лет, о которых он честно предупредил.

— А ты совершенно не изменился, — ответила Наташа, подтверждая, что он каким дураком был, таким и остался.

Наташа действительно изменилась за двадцать лет. Если сравнивать Наташину красоту с природой, то раньше она была луговая, а стала полевая. Но кто знает, что лучше: луг или поле.

Удивительно было другое: они начали ссориться с той самой фразы, на которой прервались двадцать лет назад. Как будто не было этих двадцати лет и они расстались только вчера с этими же претензиями.

Потом спустились в ресторан поужинать. Выпили вина. Он стал рассказывать, как долго и мучительно переживал свой разрыв с ней. Женился потому, что боялся спать.

— Но ведь пережил, — успокоила Наташа, уходя от неприятной темы и давая понять, что все плохое уже позади. В прошлом.

— Но ведь я переживал... — Он подчеркнул слово «переживал», настаивая на длинном куске жизни, отданном страданию.

— Страдать полезно, — как бы оправдалась Наташа. — Страдания формируют душу.

— Ерунда, — не согласился он. — Не помню, кто сказал: «Счастье — вот университеты». Страдания иссушают душу. А из засухи ничего путного не вырастает. Всякие сорняки вроде злости.

Он действительно оказался способен к устойчивому чувству. Сначала он ее любил. Потом ненавидел. Теперь не простил. Значит, она была с ним всегда.

Выпили еще. Наташа рассказала о своей диссертации. Она изучала наследственный код маленьких мушек дрозофил. Дрозофилы — это те, что любят фрукты. И мушки дрозофилы, летающие над фруктами, больше похожи на пыль, чем на живые организмы. А она их скрещивала, изучала и делала через них серьезные выводы, касающиеся всего человечества.

Первый муж рассказал, что после своего медицинского стал специализироваться на зубном протезировании. У него прекрасные заграничные фарфоровые материалы, и спрос на него превышает его физические возможности. Подо всем этим подразумевалось, что денег — куры не клюют и Наташа поторопилась тогда, двадцать лет назад. Сейчас он был бы ей как раз впору.

— Ты замужем?

— Да, — соврала Наташа. Она была замужем, но не до конца.

— А ты изменяешь своему мужу?

Это был главный вопрос. Женская верность — вот его главное требование к женщине, и, если Наташа